

Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования

С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук,
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10

Для цитирования: Россинский, Сергей Б. 2021. «Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 621–642. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.309>

Статья посвящена анализу исторических предпосылок, предопределивших самобытный характер национальной системы российского досудебного производства по уголовному делу. Анализируя особенности развития отечественного законодательства, судебных и правоохранительных органов, проводя сравнительные параллели с зарубежными механизмами раскрытия и расследования преступлений, автор приходит к выводу, что постепенная автономизация национальной системы досудебного производства явилась прямым следствием известных исторических катаклизмов, связанных с установлением в 1917 г. советской власти и ее падением в 1991 г. В настоящее время в России сформировалась достаточно уникальная модель досудебного производства, которая обусловлена хаотичным смешением и переплетением разных, в том числе плохо совместимых, элементов, присущих различным моделям уголовно-процессуальной деятельности (французской, немецкой, англосаксонской). Эти элементы взаимосвязаны посредством специфических «изобретений» отечественной уголовно-процессуальной доктрины, нашедших отражение в соответствующих положениях уголовно-процессуального закона и прикладных рекомендациях для правоприменительной практики. Современная российская модель досудебного производства выражается в интеграции функций «полиции» и «юстиции», в наделении правоохранительных органов уголовно-процессуальными полномочиями судебно-следственного характера. По мнению автора, именно этим объясняются и многие доктринальные и законодательные проблемы российского досудебного производства, которые уже много лет оказывают негативное воздействие на судебную и следственную практику. Делается вывод, что законодателю необходимо прекратить правотворческие метания, политику хаотичного смешения различных элементов, свойственных разным типам уголовного процесса, и наконец остановиться на какой-то единой модели, наиболее подходящей закономерностям и реалиям существования и развития современной России.

Ключевые слова: дознание, досудебное производство, орган дознания, предварительное расследование, предварительное следствие, процессуальная самостоятельность следователя, реформа предварительного следствия, следователь, смешанный уголовный процесс, типология уголовного процесса.

1. Введение

Досудебное производство, будучи одним из этапов уголовно-процессуальной деятельности, представляет собой упорядоченную совокупность уре-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

гулированных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ¹ (далее — УПК РФ) публичных правоотношений, возникающих при получении органами предварительного расследования первоначального сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и завершающихся направлением материалов уголовного дела в суд либо его прекращением. В привычном для российского читателя понимании досудебное производство — это феномен, характерный для континентальной (романо-германской) правовой доктрины и присущий правовым системам большинства европейских государств, а также их бывших азиатских, африканских и латиноамериканских колоний. Прародительницей современного досудебного производства является классическая французская концепция предварительного расследования, возникшая чуть более 200 лет назад и нашедшая отражение в так называемом Наполеоновском кодексе — Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г.² Российское досудебное производство ведет историю со времени известных судебных реформ Александра II, предопределивших возникновение принципиально нового на тот момент порядка уголовно-процессуальной деятельности, получившего законодательное закрепление в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.

Потребность в досудебном производстве обусловлена интеграцией публично-уголовного преследования с состязательным характером современного правосудия. Основное предназначение данной деятельности состоит в обеспечении возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии, уголовного иска) как предмета последующего судебного разбирательства (Россинский 2020, 33). Именно поэтому развитые буржуазные страны стали вводить подобные механизмы одновременно с переходом к состязательным формам реализации судебной власти. И именно поэтому те или иные досудебные процедуры, направленные на обеспечение возможности формирования позиции обвинения, свойственны любым современным правовым системам. Вместе с тем в зависимости от исторически сложившихся традиций и многих других факторов они приобретают различные формы и осуществляются путем использования разных правовых средств и методов.

Так, в Великобритании, США, Канаде, Австралии и других государствах, входящих в англосаксонскую правовую семью и соответственно придерживающихся классического состязательного типа судопроизводства, деятельность, направленная на обеспечение возможности формирования позиции обвинения для предстоящего судебного разбирательства, вообще не входит в предмет уголовно-процессуального регулирования. Подобная деятельность проводится в форме непроцессуального полицейского дознания (*investigation*) и сводится к реализации административно-правовых и розыскных полномочий правоохранительных органов (полиции, ФБР и др.), урегулированных ведомственными нормами и правилами. Однако применяемые в этих целях средства и методы все же поставлены в определенную зависимость от запретов, установленных уголовно-процессуальным законодательством, — из-за необходимости исключения потенциальных рисков после-

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 15 июня, 2020. <https://www.consultant.ru>.

² Code d'instruction criminelle. 1808. Дата обращения: 15 июня, 2020. https://www.ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_instruction_criminelle_1808.htm.

дующей негативной судебной оценки полученной информации и невозможности ее использования по уголовному делу (Ткачева 2006, 36–37).

Ввиду непроцессуального характера англосаксонского досудебного расследования его результаты еще не обладают необходимой юридической силой (не являются доказательствами), а представляют собой не более чем полезные познавательные ресурсы (предметы, документы, сведения), которые имеют для суда такое же правовое значение, как и познавательные ресурсы, накопленные адвокатом, обвиняемым и другими участниками производства по уголовному делу. Полноценными и готовыми к использованию уголовно-процессуальными доказательствами эти сведения вправе признать лишь сам суд — после надлежащей проверки, проводимой, как правило, посредством допросов соответствующих сотрудников правоохранительных органов, и оценки на предмет юридической доброкачественности.

Смешанный (романо-германский) тип уголовного процесса основывается на принципиально иной парадигме досудебного производства, predetermined, как отмечалось выше, классической французской концепцией предварительного расследования. В отличие от англосаксонского полицейского дознания, механизмы предварительного расследования в государствах континентальной Европы и их бывших колониях являются частью (этапом) уголовного судопроизводства и, таким образом, входят в сферу уголовно-процессуального регулирования. Правда, в настоящее время различные страны уже достаточно сильно разошлись в подходах к осуществлению этой деятельности. Сегодня романо-германской модели досудебного производства вообще не свойственно единообразие. Она распадается на два достаточно автономных варианта, которые условно можно назвать французским и немецким; каждый из них, в свою очередь, тоже предполагает множество подвидов, характеризующихся различными оттенками.

Французский вариант романо-германской модели досудебного производства (Франция, Испания, Бельгия, Греция и др.) в целом сохранил концепцию Наполеоновского кодекса, выражающуюся в дифференциации непроцессуального полицейского дознания и предварительного расследования, находящегося в ведении представителей судебной власти (судебных следователей, следственных судей и т.п.). Последние наряду с иными юрисдикционными полномочиями обладают правом производства следственных (судебно-следственных) действий, формирования полноценных уголовно-процессуальных доказательств и их депонирования для предстоящего судебного разбирательства (Самарин и др. 2018, 278, 655). В частности, французский следственный судья (*juge d'instruction*), являясь полноправным членом судейского корпуса, производит необходимые следственные действия, собирает доказательства, рассматривает ходатайства сторон, формирует материалы уголовного дела, передает их в суд для рассмотрения, по существу (Головкин и др. 2016, 188). Испанский следственный судья (*jefe investigador*), также будучи членом судейского сообщества, полностью отвечает за расследование обстоятельств преступления, следит за соблюдением закона при собирании материалов так называемой судебной полицией, прокурором и т.д. (Самарин и др. 2018, 655).

Немецкому варианту романо-германской модели (Германия, Австрия, Италия, Польша, Швейцария и др.) свойственна более простая форма досудебного производства, отчасти напоминающая англосаксонское полицейское дознание, но вместе с тем входящая в сферу уголовно-процессуального регулирования. Подобные

механизмы предполагают осуществление предварительного расследования полицией (иными правоохранительными органами полицейского характера) либо под прямым руководством прокурора, либо в условиях сильной зависимости от его надзорных полномочий (Лубенский 1977, 32–33; Бутов 1988, 88–89; Головкин, Гуценко, Филимонов 2001, 418–419; Трефилов 2015, 109; и др.). Иными словами, прокурор является как бы хозяином, главным распорядителем досудебного производства (как говорят немецкие процессуалисты, Herr des Ermittlungsverfahren). При этом полиция собирает так называемые свободные доказательства, значительно уступающие по юридической силе жестким доказательствам, сформированным в судебном заседании.

К какому же типу (варианту) относится современное российское досудебное производство? Ответ на данный вопрос представляется весьма сложным, неоднозначным и требует подробного рассмотрения истории развития отечественного уголовно-процессуального законодательства и национальной уголовной юстиции по крайней мере за последние 100 лет.

2. Основное исследование

Национальная система российского досудебного производства в современном понимании начала формироваться во второй половине XIX в. — после введения в действие Устава уголовного судопроизводства Российской империи. Существовавшие вплоть до 1917 г. дореволюционные механизмы предварительного следствия фактически были сконструированы на основании классической французской концепции и выражались в деятельности судебных следователей при содействии полиции под наблюдением прокуроров и их товарищей.

Однако политические катаклизмы, связанные с упразднением монархии и постепенным установлением советской власти, предопределили глобальную реформу всей системы государственного управления. А это, в свою очередь, неизбежно затронуло и организацию уголовной юстиции, и порядок реализации соответствующих юрисдикционных полномочий, в том числе в ходе досудебного производства. Уже 22.11.1917 (05.12.1917) Совет народных комиссаров (Совнарком) РСФСР издал Декрет «О суде» № 1, упразднивший существовавшие ранее судебные следственные органы Российской империи. Этим же документом учреждались местные суды в составе постоянного действующего местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам. Предварительное следствие по уголовным делам передавалось в единоличное ведение постоянно действующих местных судей за исключением принятия решений о личном задержании и передаче обвиняемого суду, которые требовалось подтверждать постановлениями всего коллегиального состава соответствующего суда. Одновременно в целях борьбы против различных форм контрреволюционного поведения (мародерства, саботажа и пр.) названным декретом учреждались рабочие и крестьянские революционные трибуналы с действующими на их базе особыми следственными комиссиями, уполномоченными на производство предварительного следствия по соответствующим уголовным делам.

Декрет «О суде» № 1 фактически аннулировал и существовавший ранее порядок досудебного производства, хотя сугубо формально прежнее уголовно-процес-

суальное законодательство Российской империи специально никем не отменялось. В п. 5 декрета содержалось лишь достаточно пространное положение, предписывающее судам руководствоваться в своих решениях «законами свергнутых правительств постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Одновременно указывалось, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам советской власти, а также программам-минимум РСДРП и партии эсеров.

Через несколько месяцев, 07.03.1918, Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) издает следующий декрет, затрагивающий вопросы уголовной юстиции, — так называемый Декрет «О суде» № 2, предусматривающий создание специальных следственных комиссий, состоявших из трех лиц, временно (до назначения прямых выборов) избираемых советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Согласно ст. 21 указанного документа, следственные комиссии наделялись юрисдикционными полномочиями по проведению предварительного расследования по уголовным делам, превышающим подсудность местных народных судов, и в случае необходимости могли обращаться за содействием к Красной гвардии, народной милиции, иным государственным и общественным учреждениям, а также к любым частным и должностным лицам. В ст. 8 декрета еще раз обращалось внимание, что судопроизводство происходит по правилам судебных уставов 1864 г. постольку, поскольку таковые не отменены советской властью и не противоречат правосознанию трудящихся классов. Позднее, 20.07.1918, в Декрете «О суде» № 3 Совнарком РСФСР расширил компетенцию следственных комиссий, передав в их ведение наиболее сложные уголовные дела, подсудные местному народному суду.

Более детально правовой статус следственных комиссий регламентирован в следующем по очереди (уже четвертом) Декрете ВЦИК от 30.11.1918, содержащем Положение о народном суде РСФСР. Пункт 28 указанного акта предписывал обязательное участие городских и уездных следственных комиссий в расследовании любых уголовных дел, подсудных народному суду, действующему в составе постоянного судьи и шести очередных народных заседателей. В остальных случаях суд был вправе ограничиться результатами милицейского дознания либо передать дело для производства предварительного следствия в следственную комиссию, а в ситуациях, не терпящих отлагательства, поручить его осуществление непосредственно постоянному народному судье. Документ также определял состав следственных комиссий (председатель и два члена), устанавливал некоторые квалификационные требования к их участникам (например, наличие теоретической и практической подготовки для должности советских следователей), регламентировал наиболее общие правила проведения предварительного расследования, в том числе полномочия, реализуемые комиссией в полном составе либо ее отдельными членами.

Однако менее чем через два года ВЦИК принимает еще один (уже пятый!) Декрет от 21.10.1920, содержащий новое, а точнее обновленное, Положение о народном суде РСФСР. Этот документ фактически предполагал отказ от дальнейшего функционирования следственных комиссий. Производство предварительного следствия передавалось в компетенцию единоличных субъектов уголовной юрисдикции — народных следователей, находившихся в ведении советов народных судей и действовавших в пределах специально созданных следственных участков.

Народные следователи были уполномочены проводить необходимые следственные действия, выносить постановления, требовать содействия от правоохранительных органов, учреждений, иных субъектов и т. д. Такая реформа вполне закономерна и объяснима — несколько оправившись от послереволюционного хаоса, оценив имеющийся кадровый потенциал, в частности перспективы привлечения на службу бывших представителей уголовной юстиции Российской империи, руководители РСФСР стали постепенно выстраивать работоспособную систему уголовного судопроизводства. Поскольку решение этих задач было поручено крупным советским юристам с дореволюционным прошлым (Д. И. Курскому, П. И. Стучке и др.), нет ничего удивительного в том, что первоначальные шаги, сделанные в данном направлении, во многом базировались на прежних, «имперских» доктринальных и законодательных подходах, предопределенных классической французской концепцией уголовного процесса. Как справедливо отмечал С. А. Шейфер, результаты этой правотворческой работы во многом обуславливались стремлением сохранить тщательно выверенные в итоге многолетних обсуждений демократические и прогрессивные для своего времени позиции, лежащие в основе Устава уголовного судопроизводства (Шейфер 2013, 64).

Позднее указанные подходы были отражены в раннесоветском законодательстве и нормативно закреплены в Положении о судостроительстве РСФСР 1922 г., в пробном Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. и в принятом всего через несколько месяцев обновленном Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. (далее — УПК РСФСР 1923 г.). Так, первоначальная редакция ст. 108 УПК РСФСР 1923 г. предписывала обязательное производство предварительного следствия по всем уголовным делам, подсудным губернским судам и трибуналам; по остальным делам предварительное следствие или отдельные следственные действия проводились на основании особого постановления народного судьи либо предложения прокурора.

Вместе с тем, несмотря на высокую степень преемственности раннесоветской формы досудебного производства по отношению к дореволюционному порядку предварительного расследования, она уже приобрела определенную специфику, обусловленную принципиально новой концепцией организации всей публичной власти, в том числе органов уголовной юстиции. Советская концепция государственного управления, детерминированная известным лозунгом «Вся власть советам» (Ленин 1969, 115), исключала принцип разделения властей, в частности существование автономной и независимой судебной системы. Народные судьи и народные следователи находились в ведении Наркомюста РСФСР (позднее — СССР), т. е. исполнительно-распорядительного органа (в современном понимании — органа исполнительной власти), а председатель Верховного суда РСФСР по своей должности одновременно являлся заместителем Народного комиссара юстиции. По словам Ю. А. Цветкова, при отрицании идеи разделения властей вопрос о подчинении следователей принципиального значения не имел (Цветков 2015, 36). Подобная конструкция лишала предварительное следствие подлинной процессуальной самостоятельности, по крайней мере в той степени, которая была присуща дореволюционному уголовному процессу. Поэтому ст. 118 и другие взаимосвязанные с ней положения УПК РСФСР 1923 г. уже ставили следователей в достаточно сильную поднадзорную зависимость от прокуроров, также непосредственно подчиненных

Наркомюсту (напомним, что народный комиссар юстиции РСФСР одновременно являлся и прокурором РСФСР).

Не желая давать очередную позитивную либо негативную оценку указным векам развития отечественного досудебного производства, обратим внимание только на одно важное обстоятельство. Подобные реформы стали вполне закономерным следствием фундаментальных изменений в системе государственного управления, обусловленных установлением советской власти; они всего лишь объективно отразили возникшие в 1917 г. политико-правовые принципы формирования советской государственности. Иными словами, уголовная юстиция оказалась заложницей сложившейся ситуации.

Причем именно эти, казалось бы весьма незначительные, преобразования и предопределили общий вектор развития механизмов досудебного производства РСФСР — СССР — РФ на следующие 100 лет. Благодаря данным реформам советский следователь, обладающий юрисдикционной правосубъектностью, в том числе полномочиями по собиранию и депонированию для судебного разбирательства полноценных доказательств, стал рядовым чиновником, частицей системы исполнительно-распорядительных органов государства. Появились и другие весьма интересные тенденции, выраженные в постепенном сближении предварительного следствия с дознанием, традиционно входящим в компетенцию органов исполнительной власти (полиции, милиции и т. п.), в частичной интеграции классических следственных и полицейских полномочий (в смешении функций «полиции» и «юстиции»), в ограничении процессуальной самостоятельности следователей и т. д.

При таких обстоятельствах все дальнейшие, в том числе достаточно кардинальные, реформы досудебного производства и органов предварительного расследования представляются если и не совсем разумными, то по крайней мере вполне объяснимыми и понятными. Вспомним хотя бы известное и в определенной степени судьбоносное совместное Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 03.09.1928 «Об изменении Положения о судеустройстве РСФСР», предполагавшее переход следователей из судебной системы в прокуратуру. Идеологом данного решения считается А. Я. Вышинский, который настаивал на необходимости низведения следователя до роли помощника прокурора по проведению следственных действий (Вышинский, Ундревич 1936, 459–461). С одной стороны, данный шаг обусловил окончательный отказ от каких-либо попыток реставрации дореволюционной модели предварительного расследования. Однако с другой стороны, ввиду нахождения всей уголовной юстиции в ведении единого исполнительно-распорядительного органа — Наркомюста РСФСР — подобное решение фактически имело не более чем внутриведомственный, организационно-штатный характер, т. е. как бы предписывало перевод сотрудников из одного главка в другой. Аналогичным образом можно объяснить и дальнейшие реформы уголовной юстиции, связанные с образованием в 1938 г. полноценного следственного аппарата в системе НКВД СССР (предшественника будущих следственных подразделений КГБ СССР и ФСБ России), а в 1963 г. — следственных отделов и управлений органов внутренних дел. Если уж государство создало прецедент и пошло по пути возложения полноценных юрисдикционных полномочий на один внесудебный орган, то что мешало предоставить их второму, третьему и т. д.? Кстати, подобные тенденции имелись и в пост-

советский период: правом производства предварительного следствия периодически наделялись и другие некогда существовавшие органы исполнительной власти (налоговая полиция и Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков).

Подобные преобразования постепенно привели к тому, что деятельность органов предварительного следствия стала все более напоминать работу органов дознания и, как отмечалось выше, произошло некоторое смешение функций «полиции» и «юстиции». В частности, наряду с юрисдикционными полномочиями законодатель стал возлагать на следователя и полномочия сугубо правоохранительного («полицейского») характера: по выезду на места происшествий и/или проведению безотлагательных действий, направленных на закрепление следов преступления, по проверке сообщений о преступлениях, по задержанию подозреваемых, по розыску скрывшихся обвиняемых и т. д. Положения принятого в 1960 г. очередного Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее — УПК РСФСР 1960 г.), закрепившие руководящую роль прокуратуры в досудебном производстве, вообще сильно поколебали процессуальную самостоятельность следователя, фактически превратив его в того самого помощника прокурора, идею использования которого в свое время так активно отстаивал А. Я. Вышинский.

Органы предварительного следствия начали формироваться по подобию правоохранительных ведомств, предполагающих определенную вертикаль власти, внутриорганизационное деление на управления, отделы, иные структурные подразделения, которые возглавлялись соответствующими начальниками, получившими, таким образом, реальную возможность влиять на работу подчиненных следователей, в частности на содержание принимаемых ими юрисдикционных решений. Предварительному следствию стала присуща особая административно-правовая атмосфера (своеобразная аппаратная ментальность), предполагающая иерархичность полномочий, обязанность исполнения поручений руководства и согласования с ним различных процессуальных и иных решений, в том числе визирование соответствующих документов (Миликова, 2019, 87–88). Показателем описанный В. Ф. Статкусом и А. А. Жидких пример повседневного режима работы одного из областных следственных управлений органов внутренних дел в 2000 г.: еженедельные совещания, заслушивания следователей о выполненной работе, постоянное составление и проверка руководством планов и т. д. (Статкус, Жидких 2000, 35–40). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1965 г. УПК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 127.1, устанавливавшей статус начальника следственного отдела как особого субъекта, осуществляющего процессуальное руководство подчиненными следователями и ведомственный контроль за их деятельностью.

Одновременно на всем протяжении развития советской системы досудебного производства существовала встречная тенденция. Она выражалась в поэтапной процессуализации деятельности органов дознания, в постепенном сближении их полномочий с полномочиями следователя, т. е. предопределяла еще один фактор, повлиявший на частичную интеграцию функций «полиции» и «юстиции», но с противоположной стороны.

Напомним, что изначально, в дореволюционный период, под дознанием понималась непроцессуальная деятельность полиции, направленная на раскрытие преступлений, на установление и розыск потенциальных обвиняемых, на осуществ-

вление иных подобных познавательных и обеспечительных мероприятий, в настоящее время относящихся к содержанию оперативно-разыскной и административной деятельности правоохранительных органов. Подобная позиция прямо вытекала из отд. 2 гл. 1 разд. 2 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и неоднократно высказывалась дореволюционными учеными-процессуалистами (Квачевский 1867, 3; Случевский 1913, 516; и др.).

Однако революционные события 1917 г. и последовавшие за ними реформы правоохранительной системы обусловили принципиально новые подходы к сущности и содержанию дознания. Напомним, что еще 06/19.03.1917 временное правительство упразднило царскую жандармерию, а 10/23.03.1917 — и сам департамент полиции, заменив его так называемым временным управлением по делам общественной полиции и обеспечению имущественной безопасности граждан, впоследствии, 17/30.04.1917, преобразованным в милицию. 28.10.1917 (10.11.1917) советское правительство создает рабоче-крестьянскую милицию, а 20.12.1917 — Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Первые нормативные правовые акты советской власти, регламентирующие деятельность указанных правоохранительных органов, также исходили из «полицейского» понимания дознания, т.е. сохраняли преемственность по отношению к дореволюционному законодательству. В частности, согласно совместному Постановлению НКВД РСФСР и Наркомюста РСФСР от 13.10.1918, на рабоче-крестьянскую милицию возлагались обязанности дознания по делам об уголовных преступлениях, а именно: розыски и дознания под руководством и по указаниям народных судей и следственных комиссий; выполнение поручений судебных и следственных органов по задержанию и доставке в суд или для допроса обвиняемых; задержание подозреваемых в преступлениях и препровождение их в местные народные суды или следственные комиссии, по принадлежности; производство в порядке, предусмотренном особым циркуляром НКВД РСФСР, обысков, осмотров, выемок как по постановлению народных судов и следственных комиссий, так и, в особых случаях, по своей инициативе для пресечения сокрытия следов преступления. Народным судьям, в свою очередь, предписывалось основательно знакомиться с поступившими протоколами дознания и в случае достаточности полученных результатов формулировать обвинения.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. уже не характеризовался однозначным пониманием дознания как непроцессуальной деятельности. Дознание постепенно начинало процессуализироваться, превращаться в механизм, альтернативный предварительному расследованию, но осуществляемый не следователем, а правоохранительными органами, выполняющими «полицейские» функции. Закон выделял две автономные формы дознания: в неполном и полном объеме, в зависимости соответственно от обязательности или необязательности предварительного следствия (ст. 98 УПК РСФСР 1923 г.). Подобный подход сохранился и в УПК РСФСР 1960 г.³, а в настоящее время трансформировался в идею о разграничении собственно дознания как полноценной формы предварительного расследования

³ В связи с этим В. М. Савицкий совершенно справедливо писал, что грань между дознанием и предварительным следствием, будучи изначально весьма условной, в дальнейшем все более и более стиралась (Савицкий 1975, 140).

(гл. 32, 32.1 УПК РФ) и производства органом дознания неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ).

По истечении столь длительного времени уже достаточно сложно понять истинные причины, побудившие раннесоветского законодателя сконструировать принципиально новую на тот момент концепцию дознания как полноценной альтернативы предварительного следствия, что фактически предопределило доказательственное значение его результатов⁴. Ведь данные механизмы явно не свойственны континентальной (романо-германской) модели досудебного производства, подразумевающей четкое разделение функций «полиции» и «юстиции», и, кроме бывших республик, входивших в состав СССР, более нигде не используются. Да и само слово «дознание» в русском языке означает не часть уголовного процесса, а предварительное административное расследование (Ожегов, Шведова 2006, 171). Поэтому здесь возникают сразу несколько более или менее приемлемых версий.

Во-первых, такой шаг мог быть вызван ровно теми же причинами, которые побудили законодателя изъять предварительное следствие из юрисдикции суда, передав его в компетенцию прокуратуры, входившей на тот момент в систему исполнительно-распорядительных органов Советской России. Ю. В. Деришев отмечает, что в указанный период уголовный процесс вообще стал развиваться по вектору подчинения интересам исполнительной власти государства, что было свойственно всем правовым институтам того времени (Деришев, 2005, 67). В другой работе названного ученого, написанной в соавторстве с К. М. Смагиным, говорится, что советское уголовное судопроизводство целенаправленно наполнялось формами и методами, более подходящими для административной (управленческой) деятельности (Деришев, Смагин 2005, 70).

Во-вторых, подобная реформа могла быть обусловлена сугубо политическими, в частности идеологическими, соображениями, связанными с необходимостью максимально отграничить, обособить «передовые», «отвечающие интересам народа» советские правовые механизмы от соответствующих юридических процедур, присущих «загнивающим», «эксплуататорским» буржуазным государствам. По крайней мере, на эту гипотезу наводят мнения известных в то время ученых-процессуалистов. Например, В. И. Громов оценивал данную новацию как значительный шаг на пути формирования подлинного режима социалистической законности. Он отмечал, что существовавшая в дореволюционный период грань между дознанием и предварительным следствием приводила лишь к бесполезному формализму и волоките, заставляя следователя вторично выполнять работу, ранее проделанную полицией (Громов 1926, 14). М. С. Строгович писал, что непроцессуальное понимание дознания базируется на присущем буржуазному праву доктринальном подходе, предполагающем принципиальную дифференциацию административных и следственно-судебных органов. В свойственном ему несколько лозунговом стиле ученый утверждал, что подобный поход лишь усиливает антинародные, присущие странам с фашистскими режимами тенденции по устранению надлежащей процессуальной формы предварительного расследования по наиболее серьезным политическим делам и поэтому опасные возможностью произвола и ущемления прав личности (Строгович 1938, 115–116). Справедливости ради все же отметим, что в со-

⁴ Известно лишь, что идеи сближения дознания и предварительного следствия озвучены А. Я. Вышинским в 1924 г. на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции.

ветской юридической литературе встречались и противоположные, как бы консервативные точки зрения, по-прежнему отождествлявшие дознание не столько следственной, сколько с «полицейской» деятельностью. Например, М. А. Чельцов почти через 30 лет после принятия УПК РСФСР 1923 г. продолжал настаивать на непроцессуальном характере дознания, понимая под ним розыск либо некий подготовительный этап, обеспечивающий возможность производства предварительного следствия, особенно по уголовным делам о тяжких преступлениях (Чельцов 1951, 229). Отдельные ученые продолжали весьма скептически относиться к дознанию как к самостоятельной форме предварительного расследования даже в период действия УПК РСФСР 1960 г. (Стремовский 1966, 68–69; Якубович 1971, 73–74; Савицкий 1975, 144).

Наконец, в-третьих, трансформация дознания в полноценную процессуальную форму предварительного расследования могла быть обусловлена банальным кадровым голодом, отсутствием в распоряжении советской власти достаточного количества опытных следователей, способных переварить весь объем уголовных дел, особенно в условиях резко возросшей криминализации послереволюционного общества. В силу малочисленности следственного аппарата, по словам того же В. И. Громова, прохождение уголовных дел через органы дознания представляется вполне обоснованным и целесообразным (Громов 1926, 13).

Какая из названных причин в итоге стала решающей и оказала максимальное влияние на процессуализацию дознания, не так уж и принципиально. Гораздо важнее другое: проведенные раннесоветским законодателем реформы досудебного производства неизбежно предопределили тенденцию, направленную на все более и более глубокое укоренение дознания в сфере уголовно-процессуального регулирования, на его постепенное сближение с предварительным следствием, на расширение юрисдикционных полномочий органов дознания. Возникшая в 1920-е годы и получившая дальнейшее развитие в УПК РСФСР 1960 г. и действующем УПК РФ советская концепция предварительного расследования более не отождествляла дознание с розыском или иными непроцессуальными методами работы правоохранительных органов, а понимала под ним альтернативную форму досудебного производства, позволяющую собирать и депонировать для предстоящего судебного заседания полноценные доказательства. По этому поводу многие авторы писали, что между дознанием и предварительным следствием по большому счету нет никакой разницы, что материалы и того и другого обладают одинаковой юридической силой — могут использоваться в качестве судебных доказательств, а различия заключаются лишь в пределах исследования, форме и способах установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (Громов 1927, 15; Строгович 1938, 116; Полянский 1960, 126; Карев и др. 1975, 224; Алексеев, Даев, Кокорев 1980, 182). Один из известных современных процессуалистов — А. В. Победкин — вообще ратует за объединение этих процедур и создание унифицированной формы предварительного расследования (Победкин 2012, 47).

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, мы приходим к выводу, что наметившиеся после 1917 г. и характерные для последующего развития уголовного процесса тенденции, состоящие в постепенном сближении дознания и предварительного следствия, в смешении функций «полиции» и «юстиции», в частности в наделении внесудебных правоохранительных органов (силовых ведомств) пра-

вом собирания полноценных доказательств, в конечном счете привели к формированию окончательно сложившейся к концу XX в. достаточно уникальной, самобытной и сильно отличающейся от зарубежных аналогов советской системы досудебного производства. Эта система являлась своеобразным юридическим гибридом, предполагающим интеграцию далеко не всегда поддающихся гармонизации, часто противоречивых⁵ элементов французского и немецкого вариантов континентальной (романо-германской) модели предварительного расследования, связанных между собой посредством специфических изобретений отечественной уголовно-процессуальной доктрины и правоприменительной практики.

С одной стороны, советская система досудебного производства сохранила определенную преемственность по отношению к заложенной еще в дореволюционный период классической французской концепции предварительного расследования, что выражалось в юрисдикционном (судебно-следственном) характере деятельности соответствующих субъектов. Помимо прочего, органы дознания и следователи обладали всеми необходимыми государственно-властными полномочиями по производству следственных (иных процессуальных) действий, имели возможность самостоятельно собирать и депонировать для предстоящего судебного заседания полноценные доказательства, изначально равные по юридической силе доказательствам, полученным судом.

С другой стороны, в отличие от французского варианта континентальной (романо-германской) модели предварительного расследования, советский законодатель возлагал указанные юрисдикционные полномочия либо на саму прокуратуру, либо на исполнительно-распорядительные органы полицейского типа, находящиеся в большой зависимости от прокурора и фактически осуществляющие свои функции под его руководством. Нетрудно заметить, что подобные механизмы явно походили на немецкий вариант континентальной (романо-германской) модели. Скорее, даже наоборот: немецкая модель предварительного расследования в определенной степени позаимствовала советский опыт, поскольку стала формироваться лишь в последние десятилетия XX в.⁶, тогда как в РСФСР и других союзных республиках соответствующие механизмы начали складываться еще в довоенный период.

Тенденции развития советской системы досудебного производства, предполагающие синтез различных и подчас достаточно плохо сочетаемых элементов немецкого и французского варианта континентальной (романо-германской) модели предварительного расследования, закономерно предопределили необходимость разработки и введения в сферу уголовно-процессуального регулирования целого ряда амортизирующих юридических механизмов (тех самых «изобретений», о которых говорилось выше), позволяющих несколько сгладить, нивелировать возникшие противоречия. Представляется, что именно этим можно объяснить

⁵ С. А. Шейфер считал одним из главных противоречий сложившейся в 1920-е годы советской системы досудебного производства игнорирование повсеместно признаваемую в теории и на практике концепцию разделения следственной и обвинительной властей (Шейфер 2013, 73).

⁶ В самой Федеративной Республике Германия реформа, упразднившая существовавших ранее судебных следователей и полностью возложившая бремя расследования на прокуратуру или полицию под руководством прокурора, была проведена лишь в 1974 г. (Strafprozessordnung für die Bundesrepublik Deutschland. 01.02.1877, 20.12.1974. Дата обращения 15 июня, 2020. <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo>).

возникновение в отечественном уголовном судопроизводстве пресловутой стадии возбуждения уголовного дела, которая выполняла и продолжает выполнять функцию своеобразной границы между непроцессуальной и процессуальной деятельностью, по сути, одних и тех же правоохранительных органов. Очевидно, что для французского варианта подобная формализация является излишней, поскольку грань между полицейским дознанием и предварительным следствием (между функциями «полиции» и «юстиции») и без того достаточно осязаема — ввиду нахождения соответствующих полномочий в компетенции принципиально разных органов государственной власти. Немецкий вариант, предполагающий частичное смешение указанных функций, тоже не нуждается в их жестком разграничении, так как ни прокуратура, ни полиция в ходе процессуальной деятельности не вправе формировать полноценные судебные доказательства или существенно ограничивать права личности.

Кстати, этим же можно объяснить и свойственные как советскому, так и российскому уголовному процессу достаточно жесткие правила производства следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых органами предварительного расследования и связанных с собиранием доказательств (следственного осмотра, обыска, допроса, очной ставки, предъявления для опознания и др.). Ведь вполне естественно, что внесудебные познавательные процедуры, позволяющие сформировать полноценные средства доказывания, равные по юридической силе судебным доказательствам и готовые к использованию для обоснования приговоров (иных правоприменительных решений), объективно требуют дополнительных и достаточно серьезных гарантий, обеспечивающих юридическую доброкачественность получаемых результатов.

Известные события конца XX в., приведшие к суверенизации Российской Федерации, к новым политическим и социально-экономическим отношениям, к признанию приоритета прав и свобод личности, детерминировали существенное изменение концептуальных подходов к уголовному судопроизводству. Первые попытки реформирования советского уголовно-процессуального законодательства и правоохранительных органов показали необходимость дальнейшего развития национального досудебного производства по какому-то принципиально иному пути, с одной стороны, отвечающему международным стандартам цивилизованного демократического государства, а с другой — учитывающему национальные традиции и богатый опыт, накопленный в этой сфере за долгие годы. Данные идеи законодатель и постарался реализовать в принятом в 2001 г. УПК РФ, в последующих изменениях и дополнениях к УПК РФ, а также в других федеральных законах, определяющих правовой статус органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

Вместе с тем социально-политические реалии первых лет существования постсоветской России объективно предопределили возникновение целого ряда негативных факторов, сказавшихся на характере и качестве реформ. В частности, в 1990-е годы среди государственных и общественных деятелей, ученых-процессуалистов, практических работников произошел фундаментальный раскол. Наметились два основных течения: так называемое либеральное, подразумевающее преклонение перед англосаксонской правовой доктриной, и консервативное, представители которого выступали за сохранение традиционной приверженности российского уго-

ловного процесса к романо-германскому типу, в том числе за дальнейшее использование советской системы досудебного производства с некоторыми изменениями. Более того, каждое из указанных течений дробилось на вариативные позиции, отличающиеся определенными оттенками. Поэтому новое уголовно-процессуальное законодательство создавалось в условиях ожесточенных дискуссий (Гаврилов 2018, 46) и во многом базируется на вынужденных и довольно неустойчивых компромиссах.

В то же время судебные и правоохранительные органы вступили в затяжной кризис, обусловленный общей утратой престижа соответствующих юридических профессий, резким сокращением финансирования и другими обстоятельствами, которые привели к оттоку профессиональных и опытных кадров (т. е. к разрушительным последствиям, сопоставимым с ситуацией, сложившейся в начале 1920-х годов), что не могло не повлиять на проводимую государством уголовно-процессуальную политику. Да и вообще ввиду известных причин (деструктивного законотворческого климата 1990-х годов, стремления российской власти в кратчайшие сроки обновить большое количество законов в условиях сильного давления различных политических, в том числе зарубежных, сил и т. д.) УПК РФ и другие взаимосвязанные с ним нормативные правовые акты разрабатывались и принимались весьма поспешно, без надлежащей доктринальной проработки и четкого понимания перспектив дальнейшего развития механизмов уголовного судопроизводства. Многие шаги законодателя являлись достаточно импульсивными, рассчитанными не на долгосрочный эффект, а на сиюминутное устранение насущных проблем, на экстренное латание дыр⁷.

Все эти негативные факторы привели к тому, что активно проводившиеся в начале 2000-х годов реформы национальной системы досудебного производства были не до конца продуманными, достаточно хаотичными, бессистемными, а некоторые из них вообще имели явно тенденциозный замысел, отвечавший интересам той или иной политической силы либо социальной группы. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в целом сохранив советскую модель досудебного производства, одновременно впитал множество самых разных, в том числе плохо совместимых с ней, элементов, свойственных различным типам уголовного процесса.

Самым противоестественным на этом фоне стало продиктованное абсолютными волюнтаристскими причинами и реализованное в ст. 15 УПК РФ желание законодателя внедрить в российское уголовное судопроизводство англосаксонский подход к состязательности, заключающийся в жестком разграничении процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. В английском или американском уголовном процессе, сводящемся исключительно к судебному разбирательству, существование подобного принципа вполне понятно (собственно говоря, именно поэтому данный тип процесса и называется состязательным). Но континентальный (романо-германский) тип процесса подразумевает полноценное использование состязательности только в судебных стадиях; в досудебном произ-

⁷ В одной из предыдущих публикаций автор настоящей статьи аллегорически сравнил указанные реформы с кефирной или гречневой диетой, позволяющей за пару недель сбросить несколько лишних килограммов, но в то же время опасной быстрой реакцией — резким увеличением массы тела после окончания режима диетического питания (Россинский 2016, 95).

водстве данная концепция применяется лишь фрагментарно — в зависимости от конкретной модели, свойственной тому или иному государству.

Однако российский законодатель, фактически проигнорировав указанные обстоятельства, попытался совместить несовместимое, а именно скрестить советскую модель досудебного производства, предполагающую наделение правоохранительных органов юрисдикционными полномочиями (смещение функций «полиции» и «юстиции») с принципом состязательности в англо-американском варианте, где такими полномочиями обладает только суд. В результате должностные лица органов дознания и предварительного следствия закономерно были причислены к участникам со стороны обвинения (а куда еще их было отнести?!). Одновременно разработчики УПК РФ предприняли еще один совершенно недопустимый шаг англо-американской направленности: отказались от законодательного закрепления ранее предусмотренного ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. требования о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела, чем окончательно превратили дознавателей и следователей из «расследователей» исключительно в «преследователей», в «обвинителей», стремящихся лишь к изобличению подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Подобный шаг был настолько резким и непродуманным, что даже попал в поле зрения Конституционного суда РФ, попытавшегося несколько смягчить данный законодательный перегиб (Постановление от 29.06.2004 № 13-П). Кстати, очевидно, что именно этим во многом и объясняется тот самый пресловутый обвинительный уклон, о недопустимости которого постоянно говорится в научных публикациях и средствах массовой информации.

В то же время законодатель усилил российскую систему досудебного производства механизмами судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования. В частности, к исключительному судебному ведению были отнесены процессуальные решения о заключении лица под стражу, домашнем аресте, залоге, о производстве следственного осмотра, обыска либо выемки в жилище, о наложении ареста на имущество, о контроле и записи переговоров и т. д. Не желая в рамках настоящей статьи давать какую-либо оценку указанным новациям, отметим, что в них явно просматриваются элементы современного немецкого варианта романо-германской модели предварительного расследования, предполагающего санкционирование судом либо специальным следственным судьей уголовно-процессуальных актов полиции или прокуратуры, ограничивающих наиболее важные права и свободы личности.

Недостатки и противоречия установленной УПК РФ системы досудебного производства стали заметны уже в первые годы ее практического применения, что предопределило череду правотворческих метаний, направленных на дальнейшие поиски собственного, национального пути развития российского уголовного процесса. Так, в 2007 г. законодатель решился на очередную кардинальную реформу досудебных стадий, в соответствии с которой следователь преимущественно освободился от прокурорской зависимости (прокурор перестал быть хозяином предварительного следствия), но одновременно попал в еще большую процессуальную зависимость от нового участника — руководителя следственного органа. Одновременно прокурор утратил и полномочия по непосредственному участию в осуществлении предварительного расследования.

В 2011 г. прокуратура РФ вообще лишилась собственного следственного аппарата, взамен которого был образован особый, в определенной степени даже уникальный, орган государственной власти — Следственный комитет РФ, сформированный наподобие знаменитых «майорских» следственных канцелярий, действовавших 300 лет назад, во время правления Петра I, и подчиненных непосредственно императору (Цветков, 2015, 37). Уникальность данного органа обусловлена его необычным правовым статусом в общей системе государственного управления. Сугубо формально он не входит ни в одну из трех ветвей власти, а в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» находится в прямом подчинении Президенту РФ. Однако фактически Следственный комитет РФ отчетливо напоминает типичный федеральный орган исполнительной власти (типичное силовое ведомство), что выражается в возложении на него ряда задач сугубо исполнительно-распорядительного характера, в организационном построении входящих в него подразделений, в особенностях прохождения службы и статусе его сотрудников, в отмеченной выше особой административно-правовой атмосфере, предполагающей обязанность исполнения поручений руководства, согласование с начальниками большинства принимаемых решений, сложную систему визирования соответствующих документов и т.д. В связи с этим С. А. Шейфер совершенно справедливо указывал, что Следственный комитет РФ стал органом исполнительной власти, хотя и вневедомственным со всеми вытекающими из этого последствиями (Шейфер 2013, 111).

С одной стороны, подобные шаги можно охарактеризовать как попытку частичной реставрации элементов французского варианта континентальной (романо-германской) модели досудебного производства, поскольку органы предварительного следствия приобрели относительную правовую свободу. «Великая» эпоха всевластия прокурора, по словам А. М. Багмета и Ю. А. Цветкова, сменяется эпохой сильного следствия (Багмет, Цветков 2015, 69). С другой стороны, российский следователь вовсе не стал классическим французским следственным судьей или до-революционным судебным следователем, а сохранил свою «полицейскую» (правоохранительную) сущность и практически полностью утратил процессуальную самостоятельность, превратившись в обычного исполнителя, в рядового чиновника, беспрекословно выполняющего указания «мудрого» руководства⁸.

3. Выводы

Рассмотрев историю развития и реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства и соответствующих органов уголовной юстиции за более чем столетний период, можно возвратиться к поставленному выше вопросу об определении общего типа современной российской системы досудебного производства. С учетом изложенного, ответ на данный вопрос представляется следующим: на сегодняшний день ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в Российской Федерации сформировалась особая, самобытная, так сказать, национальная система досудебного производства, обусловленная достаточно хаотичным смешением, переплетением разных, в том числе плохо со-

⁸ Некоторые авторы вообще называют современного следователя «квалифицированным дознавателем» (Головки и др. 2016, 330).

Схема. Элементы различных моделей и вариантов уголовно-процессуальной деятельности, присущие российскому досудебному производству

вместимых, элементов, присущих различным моделям и вариантам уголовно-процессуальной деятельности, которая выражается в интеграции функций «полиции» и «юстиции», в частности в наделении силовых министерств и ведомств процессуальными полномочиями судебно-следственного характера по собиранию полноценных доказательств и их депонированию для предстоящего судебного заседания (см. схему).

Более того, полагаем, что именно этим объясняются многие доктринальные и законодательные проблемы российского досудебного производства, которые уже много лет не поддаются разрешению, вызывая большие трудности в правоприменительной практике. В частности, извечный спор о целесообразности/нецелесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела фактически предопределен несвойственной зарубежным моделям уголовного процесса потребностью в установлении некоей правовой грани между непроцессуальной («полицейской») и процессуальной (юрисдикционной) деятельностью одних и тех же правоохранительных органов. Аналогичным образом можно объяснить и проблему использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности, и протокольную форму следственного акта о задержании подозреваемого, и множество других вопросов, не теряющих актуальности и постоянно находящихся в зоне самого пристального внимания ученых-процессуалистов.

Таким образом, все эти зреющие годами проблемы могут быть решены лишь посредством изменения концептуальных подходов к построению национальной системы досудебного производства и четкого понимания перспектив ее дальнейшего развития в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. Какими должны быть эти подходы и перспективы? Нужно ли перестраивать всю систему органов предварительного расследования по французскому

образцу, заменив нынешних следователей следственными судьями (судебными следователями) и лишив органы дознания юрисдикционных полномочий? Или наоборот, необходимо, взяв за основу немецкий вариант континентальной (романо-германской) модели, полностью передать досудебное производство в ведение прокурора и органов дознания? Или, может быть, стоит пойти третьим путем, создав на базе Следственного комитета РФ единый и независимый орган предварительного расследования, полностью изменив принципы его организации и деятельности? Ответы на все эти вопросы представляются весьма сложными и неоднозначными, требуют проведения фундаментальных исследований, явно выходящих за объем настоящей статьи. По нашему мнению, в решении данных проблем следует придерживаться умеренного консерватизма, стараясь по возможности сохранить все плюсы советской системы досудебного производства и используя богатый опыт, накопленный в этой сфере за многие годы.

В любом случае ясно одно: законодателю необходимо прекратить правотворческие метания, политику хаотичного смешения различных, в том числе плохо совместимых, элементов, относящихся к разным типам уголовного процесса, и наконец остановиться на какой-то единой модели, наиболее подходящей закономерностям и реалиям современной России. Кроме того, по нашему глубокому убеждению, реформирование досудебного производства должно носить не сугубо организационно-правовой, а комплексный характер. И начинать его нужно не с внесения порции очередных поправок в УПК РФ и другие нормативные правовые акты, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессий дознавателя и следователя, с повышения уровня их профессионализма посредством подготовки и воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих, наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками, высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовного судопроизводства (Росинский 2016, 99–100).

Библиография

- Алексеев, Николай С., Владислав Г. Даев, Лев Д. Кокорев. 1980. *Очерк развития науки советского уголовного процесса*. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Багмет, Анатолий М., Юрий А. Цветков. 2015. «Сильное следствие и его противники». *Lex Russica* 4: 60–70.
- Бутов, Валерий Н. 1988. *Уголовный процесс Австрии*. Красноярск: Красноярский госуниверситет.
- Вышинский, Андрей Я., Вацлав С. Ундревич. 1936. *Курс уголовного процесса*. Т. 1. *Судостроительство*. М.: Советское законодательство.
- Гаврилов, Борис Я. 2018. «Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ». *Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ)*: сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конференции, 42–57. СПб.: СПбГУ.
- Головки, Леонид В., ред. 2016. *Курс уголовного процесса*. М.: Статут.
- Головки, Леонид В., Константин Ф. Гуценко, Борис А. Филимонов. 2001. *Уголовный процесс западных государств*. М.: Зерцало-М.
- Громов, Владимир И. 1926. *Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений*: руководство для органов дознания и народных следователей. М.: Наркомюст РСФСР.

- Громов, Владимир И. 1927. *Производство дознания и предварительных следствий в вопросах и ответах*: практич. пособие и комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу. М.: Наркомюст РСФСР.
- Деришев, Юрий В. 2005. «Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения». Дис. ... д-ра юрид. наук, Омская академия МВД России.
- Деришев, Юрий В., Константин М. Смагин. 2005. «Полицейское дознание как самостоятельный институт полицейского права». *Полицейское право* 2: 69–74.
- Карев, Дмитрий С., ред. 1975. *Советский уголовный процесс*. М.: Юридическая литература.
- Квачевский, Александр А. 1867. *Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство*, в 2 ч., ч. 2. СПб.: Типография Ф. С. Сущинского.
- Ленин, Владимир И. 1969. «Апрельские тезисы». Ленин, Владимир И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд., в 55 т. Т. 31. Март — апрель 1917, 113–117. М.: Политиздат.
- Лубенский, Александр И. 1977. *Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств*. М.: Юридическая литература.
- Милюкова, Анна В. 2019. «Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия». Дис. ... канд. юрид. наук, Волгоградский госуниверситет.
- Ожегов, Сергей И., Наталия Ю. Шведова. 2006. *Толковый словарь русского языка*. М.: А ТЕМП.
- Победкин, Александр В. 2012. «О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма в России». *Вестник Московского университета МВД России* 2: 46–48.
- Полянский, Николай Н. 1960. *Очерк развития советской науки уголовного процесса*. М.: Академия наук СССР.
- Россинский, Сергей Б. 2016. «Каким должен быть российский следователь? (К 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР)». *Законы России: опыт, анализ, практика* 10: 93–110.
- Россинский, Сергей Б. 2020. «Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы». *Юридическое образование и наука* 8: 28–35.
- Савицкий, Валерий М. 1975. *Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве*. М.: Наука.
- Самарин, Вадим С., Василий В. Луцки, ред. 2018. *Уголовный процесс Европейских государств*. М.: Проспект.
- Случевский, Владимир К. 1913. *Учебник уголовного процесса*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Статкус, Владимир Ф., Андрей А. Жидких. 2000. *Органы предварительного следствия в системе МВД Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы*. М.: Спарк.
- Стрёмовский, Владимир А. 1966. *Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе*. Ростов н/Д.: Ростовский госуниверситет.
- Строгович, Михаил С. 1938. *Уголовный процесс*. М.: Наркомюст СССР.
- Ткачева, Наталия В. 2006. *Уголовное судопроизводство зарубежных государств*. Челябинск: Полиграф-Мастер.
- Трефилов, Александр А. 2015. *Организация досудебного производства по УПК Швейцарии*. М.: Юрлитинформ.
- Цветков, Юрий А. 2015. «Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России». *История государства и права* 3: 33–38.
- Чельцов, Михаил А. 1951. *Советский уголовный процесс*. М.: Госюриздат.
- Шейфер, Семен А. 2013. *Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти*. М.: Норма.
- Якубович, Наталия А. 1971. *Теоретические основы предварительного следствия*. М.: Высшая школа МВД СССР.

Статья поступила в редакцию 28 июля 2020 г.;
рекомендована в печать 9 июня 2021 г.

Контактная информация:

Россинский Сергей Борисович — д-р юрид. наук, доц.; s.rossinskiy@gmail.com

The system of pre-trial proceedings in the criminal proceedings of the Russian Federation: Factors of formation

S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10, ul. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation

For citation: Rossinskiy, Sergey B. 2021. "The system of pre-trial proceedings in the criminal proceedings of the Russian Federation: Factors of formation". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 621–642. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.309> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of historical prerequisites that predetermined the distinctive nature of the national system of Russian pre-trial proceedings as the initial stage of criminal procedure. By analyzing the peculiarities of domestic criminal procedure legislation, and the development of judicial and law enforcement agencies, in addition to drawing comparative parallels with foreign mechanisms for solving and investigating crimes, the author assumes that the gradual autonomy of the Soviet and then Russian system of pre-trial proceedings was a direct result of the well-known historical cataclysms associated with the Soviet power establishment in 1917 and its fall in 1991. It is noted that a rather unique model, based on the chaotic mixing and interweaving of various, including poorly compatible, elements inherent in various models of criminal procedure (French, German, Anglo-Saxon) of pre-trial proceedings has been formed in Russia at present. These elements are linked by means of specific domestic criminal procedure doctrine's "inventions", which are reflected in the relevant provisions of criminal procedure law and practical recommendations for law enforcement practice. The modern Russian model of pre-trial proceedings is expressed in the integration of the functions of the "police" and "justice", in providing law enforcement agencies criminal procedural powers of a forensic nature to collect full-fledged evidence for the upcoming court hearing. According to the author, this explains many doctrinal and legislative problems of Russian pre-trial proceedings, which for many years have had a negative impact on judicial and investigative practice (problems related to the initiation of criminal proceedings; problems of practice in proving the results of operational-search activities; problems related to the legal regulation of the detention of a suspect, etc.). The research concludes that the legislator should stop the law-creating "throwing", the policy of a chaotic mixing of various elements inherent in different types of criminal proceedings, and, finally, choose one single model that is the most suitable for modern Russia with its laws and realities of development.

Keywords: inquiry, pre-trial proceedings, body of inquiry, crime investigation, preliminary investigation, procedural independence of the investigator, preliminary investigation reform, investigator, a mixed type of criminal proceedings, criminal proceedings typology.

References

- Alekseev, Nikolai S., Vladislav G. Daev, Lev D. Kokorev. 1980. *Essay on the development of the Soviet criminal process science*. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Bagmet, Anatolii M., Iurii A. Tsvetkov. 2015. "Strong investigation and its opponents". *Lex Russica* 4: 60–70. (In Russian)
- Butov, Valerii N. 1988. *The criminal proceedings of Austria*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosuniversitet Publ. (In Russian)
- Chel'tsov, Mikhail A. 1951. *Soviet criminal proceedings*. Moscow: Gosizdat Publ. (In Russian)
- Derishev, Iurii V. 2005. "Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional-legal construction". Dr. Sci. diss., Omskaia akademiia MVD Rossii. (In Russian)
- Derishev, Iurii V., Konstantin M. Smagin. 2005. "Police inquiry as an independent institution of police law". *Politseiskoe pravo* 2: 69–74. (In Russian)

- Gavrilov, Boris Ia. 2018. "Modern pre-trial proceedings: Legislative myths and the realities of the 15-year practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". *Nauchnaia shkola ugolovnogo protsessa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: ugolovnaia iustitsiia XXI veka (k 15-letiiu praktiki primeneniia UPK RF)*: Sb. statei po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, 42–57. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Golovko, Leonid V., ed. 2016. *Course of criminal proceedings*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Golovko, Leonid V., Konstantin F. Gutsenko, Boris A. Filimonov. 2001. *Criminal proceedings of Western States*. Moscow, Zertsalo-M Publ. (In Russian)
- Gromov, Vladimir I. 1926. *Inquiry and preliminary investigation. Theory and Technique of Crime Investigation: A Guide for Inquiry Bodies and Public Servants*. Moscow, Narkomiust RSFSR Publ. (In Russian)
- Gromov, Vladimir I. 1927. *Production of inquiries and preliminary consequences in questions and answers: Practical handbook and commentary on the Code of Criminal Procedure*. Moscow, Narkomiust RSFSR Publ. (In Russian)
- Iakubovich, Nataliia A. 1971. *Theoretical foundations of preliminary investigation*. Moscow, Vysshiaia shkola MVD SSSR Publ. (In Russian)
- Karev, Dmitrii S., ed. 1975. *Soviet criminal trial*. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ. (In Russian)
- Kvachevskii, Aleksandr A. 1867. *On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial statutes of 1864. Theoretical and practical guide*, in 2 parts, part 2. St. Petersburg, F. S. Sushchinskii Publ. (In Russian)
- Lenin, Vladimir I. 1969. "April theses". Lenin, Vladimir I. *Polnoe sobranie sochinenii*. 5th ed., in 55 vols, vol. 31: *Mart — april' 1917*, 113–117. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian)
- Lubenskii, Aleksandr I. 1977. *Preliminary investigation according to the legislation of capitalist states*. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ. (In Russian)
- Milikova, Anna V. 2019. "Criminal procedural acts of pre-trial investigation bodies". PhD diss., Volgogradskii gosuniversitet. (In Russian)
- Ozhegov, Sergei I., Nataliia Iu. Shvedova. 2006. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, A TEMP Publ. (In Russian)
- Pobedkin, Aleksandr V. 2012. "On the value of the procedural form in the conditions of legal nihilism in Russia". *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* 2: 46–48. (In Russian)
- Polianskii, Nikolai N. 1960. *Essay on the Development of Soviet Science Criminal Procedure*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ. (In Russian)
- Rossinsky, Sergey B. 2016. "What should the Russian investigator be? (on the 25th anniversary of the Concept of Judicial Reform of the RSFSR)". *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 10: 93–110. (In Russian)
- Rossinsky, Sergey B. 2020. "Pre-trial proceedings in a criminal case: A new look at old problems". *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka* 8: 28–35. (In Russian)
- Samarin, Vadim S., Vasilii V. Lutsik, eds. 2018. *Criminal proceedings of European States*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Savitskii, Valerii M. 1975. *Essay on the theory of prosecutorial supervision in criminal proceedings*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Sheifer, Semen A. 2013. *Pre-trial proceedings in Russia: Stages of development of investigative, judicial and prosecutorial authorities*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Sluchevskii, Vladimir K. 1913. *A textbook of criminal proceedings*. St. Petersburg, M. M. Stasiulevich Publ. (In Russian)
- Statkus, Vladimir F., Andrei A. Zhidkikh. 2000. *Preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: History, modern state and prospects*. Moscow, Spark Publ. (In Russian)
- Stremovskii, Vladimir A. 1966. *Participants in the preliminary investigation in the Soviet criminal trial*. Rostov-on-Don, Rostovskii gosuniversitet Publ. (In Russian)
- Strogovich, Mikhail S. 1938. *Criminal procedure*. Moscow, Narkomiust SSSR Publ. (In Russian)
- Tkacheva, Nataliia V. 2006. *Criminal proceedings of foreign states*. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ. (In Russian)
- Trefilov, Aleksandr A. 2015. *Organization of pre-trial proceedings under the Swiss Code of Criminal Procedure*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)

- Tsvetkov, Iurii A. 2015. "Historical stages of the development of preliminary investigation bodies in Russia". *Istoriia gosudarstva i prava* 3: 33–38. (In Russian)
- Vyshinskii, Andrei Ia., Vatslav S. Undrevich. 1936. *Course of Criminal proceedings*. Vol. 1. *Judicial system*. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ. (In Russian)

Received: July 28, 2020
Accepted: June 9, 2021

Author's information:

Sergey B. Rossinskiy — Dr. Sci. in Law, Associate Professor; s.rossinskiy@gmail.com